

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ С ДВУМЯ ФОРМАМИ ВИНЫ: РЕАЛИИ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

В.В. Лалац

К середине 50-х гг. XX в. понятие вины прочно вошло в теорию и практику уголовного права, в 60-х гг. самостоятельно определились понятия умысла и неосторожности, а в теории стали появляться разработки концепции преступлений совершенных с двумя формами вины.

Сама идея, лежащая в основе концепции преступлений с двумя формами вины, в уголовно-правовой науке появилась еще в начале XIX века. Ее возникновение связывают с именем немецкого криминалиста П.А. Фейербаха. Именно он обратил внимание на способность человеческих действий, помимо желаемых, вызывать сопутствующие последствия с негативным со стороны субъекта к ним отношением. Подобные случаи стечения умысла и неосторожности в одном деянии П.А. Фейербах назвал термином «неосмотрительность, определенная злым намерением» («*culpa dolo determinate*»).

Введение понятия «*culpa dolo determinate*» явилось результатом развития института вины. Предписывая устанавливать вину и в отношении действий, и в отношении всех последствий, которые вменяются лицу, оно было призвано не допустить объективного вменения, имевшего место при распространении понятия непрямого умысла на последствия, охватываемые не умыслом, а неосторожностью [1].

Долгое время концепция, которую предложил П.А. Фейербах, не получила практического применения в законодательстве. Несмотря на то, что в дореволюционном законодательстве отсутствовала специальная норма, раскрывающая содержание исследуемого понятия, уголовный закон предусматривал преступные деяния, субъективная сторона которых характеризовалась одновременно умыслом и неосторожностью [2].

В советские годы преступления с двумя формами вины как самостоятельная категория долгое время почти не исследовались. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., УК 1922 г., УК 1926 г. о преступлениях с двумя формами вины не упоминали, хотя в их Особенной части

деяния, субъективная сторона которых характеризуется одновременно умыслом и неосторожностью, содержались. Так, в ст. 149 УК 1922 г. предусматривалось наказание за причинение тяжких телесных повреждений, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего [3].

В ходе разработки УК 1960 г. ученые стали активно обсуждать институт вины в целом, отдельные ее формы и проблемы. Такое внимание к субъективной стороне преступления отразилось и на исследовании преступлений с двумя формами вины. В литературе 1950 – 60-х годов учение о таких преступлениях получило наиболее полное развитие. Именно в этот период среди ученых – криминалистов активно дискутировались проблемы данной категории преступлений.

Действующий УК РФ 1996 г. установил правила ответственности за преступления с двумя формами вины, что явилось одной из существенных новелл и шагом в дальнейшем развитии принципа субъективного вменения. Однако, законодатель, регламентировав ст. 27 УК, устанавливающую ответственность за умышленные преступления, влекущие квалифицированные последствия, возможность наступления которых субъект мог предвидеть, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывал их предотвратить либо не предвидел, хотя мог и должен был, не только не решил вопросы, которые возникают на практике относительно этой ответственности, но и вызвал волну споров среди теоретиков. Это касается прежде всего положения о признании деяния в целом умышленным. Одни авторы поддерживали законодателя [4], другие выразили свое несогласие с ним [5].

Таким образом, данная законодательная формула не позволила, к сожалению, провести четкую границу между формами вины в таких преступлениях, а это в свою очередь привело к ошибкам в правоприменении.

Так, при рассмотрении конкретного уголовного дела суд установил, что Б. решил выяснить свои взаимоотношения с З. и предложил А. и Р. поехать вместе с ним. После того как они нашли потерпевшего, Б. стал избивать его, а затем Б. и А. связали ему руки скотчем, вывели из квартиры, посадили в автомашину и привезли в дом Б. Во дворе дома в ходе разговора Б. решил убить З. Сделав петлю, он накинул ее на шею потерпевшему и при помощи А. и Р. повесил З. на дереве. В результате механической асфиксии наступила смерть потерпевшего.

По приговору суда Б. и А. осуждены по п. «в» ч.3 ст. 126, пп. «в», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а Р. – по ч. 5 ст. 33, пп. «в», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Пунктом «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ предусмотрена ответственность за деяния, если они повлекли по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия.

Как установлено судом, смерть потерпевшему причинена умышленно после его похищения, поэтому данные действия Б. и А. как непосредственных исполнителей обосновано квалифицированы по пп. «в», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В связи с этим действия Б. и А. Президиумом ВС РФ пере-

квалифицированы с п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ на п. «а» ч. 2 ст. 126 УК РФ, так как в этой части они должны нести ответственность за похищение потерпевшего, совершенное группой лиц по предварительному сговору [6].

Анализ литературы и судебной практики позволяет нам сделать следующие выводы по исследуемой проблеме:

1. Преступление, совершенное с двумя формами вины, есть система структурных элементов, которые в рамках единого психического процесса отражают качественно определенное сочетание умышленного отношения виновного к основному составу преступления и неосторожного – к производным от него последствиям. Такие последствия повышают общественную опасность содеянного, и за факт их наступления должна быть предусмотрена повышенная уголовная ответственность.

2. Наличие преступлений, совершаемых с двумя формами вины, основано на сочетании признаков умысла и неосторожности. Никаких других, кроме этих, форм вины в уголовном праве нет. В таких составах умысел и неосторожность присутствуют в полном объеме, не смешиваясь и, не поглощая друг друга. Есть лишь различное отношение к деянию и к наступившим квалифицирующим последствиям, которое фиксируется в законе.

Так, после совместного распития спиртного осужденный С. и потерпевшая Я. на автомашине последней поехали кататься по городу. Находясь в автомашине, С. поссорился с Я. и нанес ей удар кулаком по голове, от которого она потеряла сознание. В результате действий С. потерпевшей были причинены телесные повреждения в виде ушиба головного мозга обеих затылочных долей, повлекшего кровоизлияние под мягкие мозговые оболочки затылочных долей и мозжечка, кровоизлияние под твердую мозговую оболочку. От полученных телесных повреждений Я. скончалась на месте. Действия С. квалифицированы Президиумом ВС РФ по ч.4 ст. 111 УК РФ, предусматривающую ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего [7].

3. Последнее предложение ст. 27 УК РФ сформулировано неточно. Преступления, о которых идет речь, являются умышленными не в целом, а лишь частично.

Необходимо уточнить формулировку ст. 27 УК с тем, чтобы ее содержание было более понятным в первую очередь для практических работников, поскольку действующая редакция этой нормы трудно понимается правоприменителем и неоднозначно трактуется в теории уголовного права.

4. Мы предлагаем ст. 27 УК скорректировать следующим образом.

«Статья 27. Ответственность за преступления, совершенные с двумя формами вины

1. Преступлением, совершенным с двумя формами вины признается умышленное деяние лица, повлекшее тяжкие последствия, которые не охватывались умыслом лица и в отношении которых его вина выражена в форме легкомыслия либо небрежности

2. В целом последствия предусмотренные законом для умышленных преступлений распространяются и на преступления совершенные с двумя формами вины».

Библиографический список

1. Никитина, Н.А. Укрепление правопорядка и борьба с преступностью. Преступление с двумя формами вины и действующее законодательство / Н.А. Никитина // Известия вузов. Правоведение. – 2004. – № 5. – С. 79.
2. Никитина, Н.А. Развитие преступлений с двумя формами вины / Н.А. Никитина // Известия вузов. Правоведение. – 2007. – № 4. – С. 102.
3. УК РСФСР 1922 г. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие УК Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «УК Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст.153.
4. Рарог, А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. – СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2003. – С. 134.
5. Лунеев, В.В. Субъективное вменение / В.В. Лунеев. – М.: Спарк, 2000. – С. 56.
6. Постановление Президиума ВС РФ № 112 – П09. Обзор судебной практики ВС РФ за III квартал 2009 года // Бюллетень ВС. – 2010. – № 2. – С. 24.
7. Постановление Президиума ВС РФ № 35 – П08. Обзор судебной практики ВС РФ за I квартал 2009 года // Бюллетень ВС. – № 9. – 2009. – С. 26.